

Коу Дун снова опустил руку в Пруд обмена.

На этот раз пришлось подождать: из яйца, зажатого в пасти бронзовой змеи, долго ничего не появлялось. Пошарив внутри, Коу Дун выудил тонкую карточку, узорами напоминающую карту Таро. На её лицевой стороне красовался рыцарь в серебряном шлеме — занеся двуручный меч, он пронзал изрыгающего пламя дракона.

По центру виднелась короткая надпись: «Суд».

Коу Дун не сразу понял, что это значит.

Е Яньчжи мазнул по ней взглядом и пояснил:

— Это Карта предвидения.

—?

— Раз предвидение, значит, зацепка для следующего захода, — кроха сложил руки на груди, выдав краткий вердикт. — Хорошая карта.

У Коу Дуна от этих слов на душе потеплело. Он с довольной улыбкой убрал карту в инвентарь.

— Сынок, какое счастье, что ты у меня есть, — растроганно вздохнул Коу Дун. — Не будь тебя, твой папочка точно не вытянул бы такую полезную штуку...

Е Яньчжи покосился на него:

— Можешь убрать своё «точно не». Без меня ты бы гарантированно остался с пустыми руками.

Без вариантов.

Коу Дун промолчал. Ну подумаешь, Удача ранга Е! Что, у людей с такой удачей уже и прав никаких нет?

Он взглянул на насупившегося, не по-детски серьёзного Е Яньчжи и, недолго думая, бесцеремонно ухватил его за щеку. Малыш сейчас был размером едва ли больше ладони, так что увернуться от длинных пальцев шансов не имел. Коу Дун беспардонно сжал его пухлые щёчки и приподнял в воздух, точно хомяка. Крохотный Е Яньчжи мгновенно взъерошился от такой наглости и сердито прошипел:

— Коу Дун!

— Ну-ну, что за манеры? — поправил его Коу Дун. — Зови меня папой.

Тот покраснел до ушей, волосы на макушке буквально встали дыбом. Из зажатого рта вырвалось невнятное:

— Ну погоди у меня...

«Вот верну свой прежний рост — тогда и поговорим!»

— Жду-жду, золотко моё, — благодушно отозвался Коу Дун с самым наплевательским видом.

Следующие два дня прошли в спокойных домашних хлопотах. Игровое жилище Коу Дуна было обустроено на славу: все удобства под рукой, живи и радуйся.

Единственное, о чём он горько сожалел — что поскупился в своё время задонатить на личный бассейн.

Каких-то сто двадцать восемь юаней! И чего зажал? За первый-то платёж давали двойной бонус, глядишь, ещё и ноутбук в подарок перепал бы.

Обидно до зубовного скрежета: ведь мог сейчас лежать в шезлонге у личной купели как белый человек.

Е Яньчжи, выслушав эти стенания, проникся сочувствием и вполне серьёзно поинтересовался, нельзя ли докупить его сейчас.

— Поезд ушёл, — со вздохом отрезал Коу Дун. Увы, упущенного не вернуть.

Кроха молча посидел немного, сочувственно похлопал его по плечу и тоже тяжело вздохнул. Бассейн... Какая потеря. Он бросил на парня долгий, туманный взгляд.

Коу Дун задумчиво потёр подбородок:

— Кстати, на Рождество за донат вроде бы давали детскую комнату...

Е Яньчжи окаменел. Этот тип что, всерьёз вошёл в роль любящего папаши?

Скрипнув зубами, Е Яньчжи мысленно поклялся: погоди, наступит день, они окажутся в другой обстановке, и тогда уж он отыграется. Он сам будет тискать Коу Дуна за щёки, заставит умолять о пощаде и называть «папочкой» — пускай хоть голос сорвёт, из постели он у него не выберется до самого утра...

За эти два дня от Сун Хуна пришло приглашение в команду. Вот только Коу Дун, как ни старался, не смог нажать на заветную кнопку «Принять».

— Раз у тебя на руках Карта предвидения, игра не пустит тебя в случайные миры, — объяснил Е Яньчжи.

Выбор был предопределен: следующий визит Коу Дун нанесёт именно в тот кошмар, который выпал ему на карте.

Коу Дуну оставалось лишь вкратце описать ситуацию Сун Хуну и с сожалением отправить отказ. Тот ответил мгновенно: мол, ничего страшного, увидимся в следующий раз.

Так что на этот раз Коу Дуну предстояло действовать в одиночку. Он снова подал заявку на участие в групповом сценарии.

Перед самым стартом в голове зазвучал бесстрастный голос Системы, зачитывающий правила:

[Внимание! Во время прохождения группового испытания строго запрещено раскрывать свою личность в реальном мире.]

[Запрещено произносить слово «игра» и любые названия проектов.]

[Запрещено упоминать реально существующее программное обеспечение, приложения, веб-сайты и другие сервисы.]

[По завершении раунда очки будут распределены между участниками пропорционально их вкладу.]

[Награда за прохождение: 300 очков. Количество участников группы: неизвестно.]

Коу Дун опешил. Что ещё за «неизвестно»?

Система проигнорировала его немой вопрос и сухо добавила:

[Внимание, игра начинается.]

Подошвы Коу Дуна коснулись земли.

Под ногами была неровная, сухая глина. Перед глазами выросла глухая саманная стена.

Осмотревшись, он понял, что находится в комнате с неестественно высокими потолками — метра три-четыре, не меньше. Помещение пустовало; прямо по центру сиротливо ютилась кровать, на которой лежал деревянный оскаленный лик — синекожая маска с жуткими клыками. Коу Дун взял её в руки — гладкое, тяжёлое дерево.

Округлые выпученные глаза, свирепо насупленные угольно-черные брови — сама маска так и лучилась чистой злобой. Безбожно разинутый рот обнажал два острых, торчащих наружу клыка.

На глиняной стене виднелись небрежно вырезанные иероглифы. Коу Дуну пришлось приглядеться, чтобы разобрать каракули:

«Надень маску Нуо, сыграй в прятки с чертями.

В этом ритуале сошлись двенадцать судеб.

Отгадай же, путник:

Кто под маской — живой человек?

А кто — мёртвый дух?»

Едва он закончил чтение, в воздухе со свистом развернулось системное окно.

[Правила выживания в текущей локации:]

[1. Ни при каких обстоятельствах не снимайте маску Нуо.]

[2. Каждый вечер ровно в 20:00 Система случайным образом выбирает двух игроков для проверки личностей остальных. Явка строго обязательна.]

[3. Каждое утро в 08:00 маски меняются в случайном порядке.]

[4. Живые ищут мертвецов, но и мертвецы охотятся на живых. Не выходите на улицу после наступления темноты.]

[5. Для успешного прохождения раунда необходимо точно назвать количество людей и призраков. У вас есть только одна попытка.]

[Желаем удачи.]

Коу Дуну показалось, что в этом напутствии сквозило откровенное злорадство.

Первым делом он достал из инвентаря Е Яньчжи. Малыш плюхнулся на кровать и сразу же уставился на него с недоумением:

— Что за нелепый наряд?

Опустив взгляд, Коу Дун обнаружил, что одет в безразмерный белый балахон. Ткань висела на нём мешком, напрочь скрывая любые очертания фигуры — поди разбери, парень перед тобой или девушка. Для игры, где нужно вычислять чужаков, это было крайне неудобно.

Он поднял с кровати маску Нуо.

— А это кто?

Е Яньчжи присмотрелся к синей морде:

— Чжун Куй.

— Не особо похож, — усомнился Коу Дун.

— Это храмовый Чжун Куй, — пояснил малыш. — Маски делятся на злых духов, праведных божеств и шутов. Чжун Куй относится к грозным защитникам, оттого и черты у него преувеличенно свирепые.

Он сделал паузу.

— Система требует, чтобы ты её надел?

— Ага, — Коу Дун примерил маску к лицу. — Но меня терзают смутные сомнения...

Договорить он не успел. Е Яньчжи резко нахмурился:

— Стой.

— Что такое?

— Твой рост... Он изменился.

Малыш вытянулся на цыпочках на кровати, пытаясь оценить пропорции партнёра.

— А ну-ка, надень её полностью.

Коу Дун послушно прижал деревянный лик к лицу. Вопреки громоздкому виду, маска оказалась лёгкой, точно паутинка. Обзор она тоже не закрывала: сквозь глазницы Коу Дун прекрасно видел всё вокруг.

Е Яньчжи обошёл его кругом, и лицо крохи помрачнело.

— Телосложение тоже сменилось.

— И каков я теперь? — поинтересовался Коу Дун.

— Средний, — нехотя бросил Е Яньчжи.

В самом скучном смысле этого слова. Ни худой, ни полный, ни высокий, ни низкий — безликий манекен с конвейера. А ведь у Коу Дуна была приметная фигура: тонкий силуэт, изящная талия и длинные стройные ноги, которые всегда привлекали внимание. Теперь же от этой индивидуальности не осталось и следа.

Плохой знак. Коу Дун не на шутку встревожился и глухо спросил из-под дерева:

— Да ладно? Прямо всё тело изменилось?

Е Яньчжи редко видел его в таком замешательстве. В груди шевельнулась непривычная нежность, он уже приоткрыл рот, чтобы утешить беднягу, как вдруг Коу Дун выдал:

— Чёрт. Это что же получается... я там тоже уменьшился?

Е Яньчжи подавился воздухом. Он молча размышлял, совпадает ли глубина его догадки с масштабом трагедии, озвученной Коу Дуном.

— Ну и подстава, — продолжал сокрушаться тот. — Я, между прочим, гордый обладатель честных восемнадцати сантиметров!

Е Яньчжи скептически промолчал. В чём-чём, а в этом вопросе Коу Дун бесстыдно заливал.

— Не веришь? Могу штаны снять, замеришь, — храбрился парень.

Е Яньчжи хранил стоическое молчание, хотя в глубине души почувствовал предательское любопытство. Коу Дун уже потянулся к поясу, но вдруг осёкся и опустил руки.

— Ай, ладно, проехали.

Кроха сохранил невозмутимый вид, хотя внутри кольнуло разочарование:

— И почему же?

— Эх, сынок, папка просто боится нанести тебе психологическую травму. Ты ведь сейчас сам ростом меньше моего достоинства.

Малыш лишился дара речи. Лишь спустя минуту он, задыхаясь от возмущения, выдавил:

— Это я-то маленький?!

Этот наглец смеет заикаться о его размерах?!

Коу Дун понял, что задел своего «отпрыска» за живое, и тут же включил заботливого родителя:

— Ну-ну, не расстраивайся. Подрастёшь ещё, дело наживное.

Е Яньчжи лишь глухо засопел. На его губах заиграла зловещая ухмылка. Ничего-ничего. Он запомнит эти слова. Наступит час, когда этот парень будет рыдать и молить о пощаде в его постели.

Внезапно тишину разорвал грохот гонгов и барабанов, с улицы донёсся многоголосый гул толпы. Шум стремительно приближался. Коу Дун подошёл к двери и приоткрыл её, заглядывая в щёлку.

На улице стоял разгар дня. Десятки людей размахивали алыми лентами и яростно колотили в привязанные к поясу барабаны, кружась в диком танце. От этого грохота закладывало уши. Коу Дун поморщился и прижал ладони к вискам. В ту же секунду Е Яньчжи, ловко взобравшись к нему на плечо, крошечными ладошками прикрыл его левое ухо.

Бурлящий поток празднующих хлынул во двор и бесцеремонно вытащил Коу Дуна наружу.

— Божество Нуо! — взревела толпа. — Явилось божество!

Чьи-то грубые руки втокнули его в самый центр хоровода. Там уже стояло несколько человек в масках. Все они, как один, были одинакового роста и комплекции, и лишь причудливые личины отличали их друг от друга.

Е Яньчжи прильнул к самому его уху:

— Крайний слева — Божество земли.

Круглая маска Божества земли щеголяла добродушным прищуром, белой окладистой бородой и мягкой улыбкой — типичный персонаж новогодних лубочных картинок.

— Справа от него — Циньтун.

Эта маска шута выглядела уродливо: асимметричное лицо в крупных белых пятнах грима, правый глаз круглый, а левый — узкая, косая щель. Правый уголок губ задран в ухмылке, левый уныло опущен. Из носа свисала капля бутафорских соплей, а на макушке сидел нелепый красный колпак. Вылитый цирковой клоун из дешёвого балагана.

Чуть поодаль переминались с ноги на ногу остальные: Ян Жэнь, у которого вместо глаз из глазниц росли ладони, сжимающие глазные яблоки; Рыбий дух с живыми золотыми рыбками вместо зрачков; Эрлан-шэнь, чьё лицо было усыпано двадцатью пятью асимметричными глазами, и Бычий дух с огромными раздутыми ноздрями, готовый вот-вот пустить пар.

Пёстрая процессия двигалась под заунывные ритмы ритуальной музыки. Зрелище завораживало и пугало одновременно: при свете дня разворачивался настоящий парад нечисти.

Коу Дун не стал выделяться — принялся неуклюже покачивать руками в такт общему движению. Наверняка это часть здешнего ритуала, а нарушать правила гостеприимства в хоррор-играх — себе дороже.

Через пару минут в круг грубо впихнули ещё одного бедолагу в маске Смеющегося монаха. Тот пребывал в явном шоке: застыл как вкопанный, испуганно крутя головой. Толпа сзади напирала, и бегущие впереди барабанщики с размаху налетели на зазевавшегося новичка.

Шедший впереди крестьянин свирепо толкнул его в грудь:

— Ты чего разлёгся, убогий?! Сорвать нам призыв богов вздумал?!

«Монах» испуганно затрясся, лепеча:

— Нет... я не...

— Он хочет разгневать духов! — взвизгнул кто-то из толпы.

Оправдания потонули в яростном хоре голосов. Процессия замерла. Музыканты опустили инструменты, и сотни глаз уставились на несчастного с нескрываемой жаждой крови. Обычные крестьянские лица мешались с уродливыми деревянными масками, за которыми скрывались... люди? Или мертвецы?

Смеющийся монах попятился, отчаянно выставив руки перед собой:

— Пожалуйста, я просто растерялся... Я не хотел...

Голос его сорвался. Впрочем, винить его было сложно: мало кто сохранит самообладание, оказавшись посреди безумного оккультного карнавала в первые же минуты игры.

Коу Дун услышал, как кто-то рядом тихо выдохнул: «Новичок». В этом слове скользила холодная обречённость.

Несколько фанатиков уже размахивали горящими факелами, подступая к нарушителю.

— Позвать старосту! — взревела толпа. — Пусть староста решит!

Коу Дун мгновенно подобрался: на сцену выходил ключевой сюжетный персонаж.

Сквозь расступившихся людей неторопливо шёл сухонький пожилой мужчина. Заложив руки за спину, он выглядел вполне благообразно — обычный деревенский дедушка.

— Что за шум? — мягко спросил он.

Крестьяне наперебой принялись тыкать пальцами в съёжившегося Смеющегося монаха:

— Этот святотатец мешает ритуалу!

Староста прищурился. Его взгляд, липкий и холодный, скользнул по фигуре игрока, заставив того оцепенеть. Однако старик лишь благодушно улыбнулся:

— Ничего страшного.

Толпа недовольно зашумела.

— Если опоздаем, боги прогневаются, — староста взмахнул рукой, призывая продолжить ход.

— Ступайте. А с этим... разберёмся ночью.

От его вкрадчивого «ночью» у Коу Дуна внутри всё похолодело.

Смеющийся монах, едва избежав участи быть заживо сожжённым, судорожно сглотнул и поспешно пристроился в хвост колонны, силясь не отставать от общего ритма.

Он оказался прямо рядом с Коу Дуном. Немного отдышавшись, парень шёпотом спросил:

— Ты... ты тоже игрок?

Коу Дун едва заметно кивнул.

Монах горестно вздохнул. Сквозь глухую маску не было видно его лица, но унылая поза говорила сама за себя.

— Ненавижу мистику... Все эти обряды, чертовщина... Мурашки по коже.

Коу Дун промолчал, подумав про себя: «Эх, наивный ты человек. Знал бы ты, что здешние призраки — ещё цветочки по сравнению с безумным русалом, мечтающим заставить тебя метать икру...»

Наконец процессия достигла цели — старого, полуразрушенного храма на окраине. На алтаре возвышался массивный силуэт идола, заботливо укрытый плотной красной тканью. Толпа устроила вокруг танцующих игроков финальный шабаш с гонгами, оставила у подножия божества свежее парное мясо и шумно покинула святилище.

В полумраке храма остались только они двенадцать.

Игроки нерешительно переглядывались. Никто не спешил нарушать тишину: под глухими личинами мог скрываться как союзник, так и безжалостный убийца.

Наконец из-под маски Божества земли раздался робкий девичий голос:

— Может... познакомимся для начала?

В ответ мёртвая тишина.

Правила Системы строго запрещали называть настоящие имена. К тому же, в этой смертельной игре мертвецы выслеживали живых. Раскрыть себя сейчас означало добровольно подставить шею под топор.

Осознав глупость своего предложения, «Божество земли» тихо пискнула и замолчала.

Коу Дун решил взять инициативу в свои руки:

— Мы можем обсудить нейтральные темы.

Все взгляды скрестились на синей маске Чжун Куя.

— Например? — спросил кто-то.

— Например, еду, — Коу Дун вольготно устроился на каменном выступе, закинув ногу на ногу.

— Кто что предпочитает на обед?

Намек был понят без лишних слов. Нехитрый опрос не нарушал запретов Системы, но позволял уловить интонации, манеру речи и, возможно, вычислить скрывающегося среди них монстра — ведь вряд ли призраки питаются человеческой пищей.

После недолгих колебаний зазвучали первые ответы.

«Божество земли» первой выдала: «Курятина».

«Эрлан-шэнь» лаконично процедил: «Баранина».

Рыбий дух и Ян Жэнь оказались осторожнее — назвали персики и яблоки, которые лежали прямо здесь, на алтаре. Рисковать и выдавать детали своего реального рациона никто не желал.

Смеющийся монах, заикаясь, признался в любви к жареной рыбе.

Когда очередь дошла до Коу Дуна, тот мечтательно вздохнул:

— А я бы сейчас душу продал за тарелку горячей домашней лапши. — Он покосился на пыльную дорогу за порогом. — В таких глухих деревнях её обычно готовят отменно...

Остальные промолчали. Расследование зашло в тупик: все ответы звучали вполне по-человечески.

Наконец тишину нарушил «Циньтун». В каждой команде рано или поздно вырисовывается лидер, и этот шутовской персонаж явно претендовал на его роль. Он поднялся на ноги:

— Ладно, пора осмотреть окрестности. Но помните: с наступлением темноты на улицу соваться нельзя. Ровно в восемь вечера все должны быть здесь. Нарушителей ждать не станем.

Игроки — и призраки — безмолвно закивали. Под деревянными личинами невозможно было разглядеть, кто испуганно сжимает зубы, а кто плотоядно скалится.

Коу Дун поднялся первым и направился к выходу. Загадка с мертвецами его пока мало заботила — куда важнее было изучить саму локацию.

Деревня выглядела странно. Все хижины высились исполинскими коробками с непомерно высокими крышами. Коу Дун неторопливо шагал вдоль заборов, пока не заметил кучку деревенской детворы, копошащейся в дорожной пыли. Ребята увлечённо лепили что-то из глины.

Он подошёл ближе. Малышня даже головы не повернула — жуткая синяя маска Чжун Куя их ничуть не напугала, словно перед ними стояло пустое место.

Коу Дун без лишних слов опустился на корточки рядом, зачерпнул горсть сырой земли и принялся увлечённо разминать её в ладонях.

Е Яньчжи на его плече лишь молча закатил глаза.

Пальцы парня двигались с удивительной ловкостью. Буквально за пару минут бесформенный ком глины в его руках обрёл чёткие контуры. Подобрал с земли тонкую щепку, Коу Дун ловко проделал несколько отверстий и вставил вместо глаз мелкие блестящие камешки.

Детские взгляды, до этого упорно игнорировавшие чужака, теперь так и косились на его работу.

Коу Дун приладил по бокам фигурки два плоских уха.

— Ой, это же Чжу Бацзе! — не выдержал один из мальчишек.

Тут же спохватившись, он испуганно прикусил язык и принялся смущённо ковырять землю носком лаптя. Коу Дун проигнорировал его смущение и ловким движением прилепил по центру приплюснутый пяточок с двумя дырочками.

Теперь сомнений не осталось: из куса грязи на глазах рождался легендарный кабан-демон — уши лопухами, выдающийся нос, ну вылитый персонаж сказки!

Детвора, забыв про осторожность, придвинулась ближе. Коу Дун хранил гордое молчание, продолжая колдовать над глиной. Вскоре его плотным кольцом окружили чумазы,

шмыгающие носами ребяташки.

Е Яньчжи с немалым удивлением наблюдал за его искусными пассажами. Откуда у городского парня такие навыки?

Коу Дун словно прочитал его мысли и тихо вздохнул:

— Эх, золотое детство... Целыми днями в грязи ковырялся.

Е Яньчжи промолчал, подумав: «Судя по твоему довольному лицу, ты и сейчас из этого возраста не вышел».

Наконец фигурка была готова. Ребятня дружно ахнула от восторга.

Коу Дун насадил глиняного Чжу Бацзе на веточку и поднял над головой:

— Кому?

Лес рук мгновенно взмыл вверх:

— Мне! Дяденька, мне!

— Пожалуйста, отдайте мне!

Коу Дун поднял игрушку повыше:

— Получит тот, кто хорошо себя ведёт и ответит на один вопрос.

Шустрый мальчуган в рваной рубахе тут же вытянул руку.

— Расскажите мне, какому божеству молятся в том большом храме? — вкрадчиво спросил Коу Дун.

Ребята притихли, испуганно переглядываясь. Наконец искушение обладать великолепным глиняным демоном пересилило страх наказания. Тот же мальчик прошептал:

— Нам строго-настрога запретили об этом болтать...

— Да брось ты, — мягко подтолкнул его Коу Дун. — Вы ведь уже совсем взрослые, зачем во

всём слушаться родителей?

Звучало это как классическая фраза подозрительного незнакомца с конфетой. Впрочем, Коу Дун окучивал всего лишь игровых персонажей.

Дети потянулись к нему. Если бы не системные ограничения, они бы уже давно ходили за ним хвостиком. Мальчик порисовал прутиком по пыли и нехотя заговорил:

— Ну... это мужчина. Очень высокий.

Он попытался изобразить позу идола.

— Он сидит вот так... развалившись.

Коу Дун нахмурился под маской. Неподобающая поза для благообразного небожителя — скорее вальяжная, полная презрительного пренебрежения к молящимся.

«Определённо, какое-то злое божество», — зафиксировал он в уме.

— А в деревне в последнее время не происходило ничего странного? — продолжил расспросы парень.

Мальчик открыл было рот, собираясь ответить, но внезапно его взгляд застыл на чём-то за спиной Коу Дуна. Он испуганно захлопнул рот и замотал головой.

— Староста идёт, — тихо предупредил Е Яньчжи.

Коу Дун мгновенно сменил тему, весело помахивая глиняной игрушкой:

— Ну что, детвора, а теперь слепим Сунь Укуна!

Из-за угла бесшумно вырос староста. Для своих лет старик двигался на удивление резво и плавно, без единого шороха. Его блёклые глаза вперились в Коу Дуна:

— Чем это ты тут занят?

Коу Дун даже ухом не повёл:

— Бизнес кручу, уважаемый. Глиняными фигурками торгую.

Староста онемел от такой наглости.

— Среди этих сорванцов есть ваши внуки? — Коу Дун повернулся к нему с самой широкой виртуальной улыбкой. — Глядите, как у них глаза горят! Не хотите побаловать ребёнка отличной игрушкой ручной работы? Всего пара грошей!

Староста завис.

Что ни говори, а пытаться всучить копеечный сувенир жуткому NPC в смертельном хорроре — для этого требовалась поистине безграничная отвага.

<http://bllate.org/book/18984/1950527>